

Известия - 1997 -
22 нояб. - с. 2.

Олег ТАБАКОВ:

Я безнадежно испорченный русский

Если бы не кашемировый пиджак, крошечный сотовый телефон и кресло ректора Школы-студии МХАТ, он был бы как никогда похож на кота Матроскина. Олег Табаков очаровывал взором девушку из бухгалтерии, препинался по телефону с Министрством культуры и набирал в грудь побольше воздуха — он собирался дать интервью.

— Только что о нашей жизни я рассказывал министру культуры Наталье Леонидовне Дементьевой. Я в красках описал, как к нам пришли слесари-сантехники и пригрозили спустить воду из батарей: задолженность за отопление МХАТ погасить не может.

Моя жизнь — помимо забот о жене и двухлетнем ребенке — сводится к хлопотам вокруг двухсот студентов и примерно восьмидесяти педагогов и профессоров Школы-студии. Один из моих приятелей, человек по имени Аслан, вот уже несколько лет кормит их всех обедами, каждый из которых обходится ему около 90 центов. Это большая удача — я по крайней мере могу быть уверен, что в течение рабочего дня мои студенты не будут падать в голодные обмороки.

— Сейчас к Табакову — художественному руководителю одноименного театра все уже привыкли, а когда вы начинали дело, театральная Москва казалась, что знаменитый артист чудит. У человека есть положение, имя — зачем ему нужна эта маета?

— 10 лет назад мой театр стал государственным. Не все знают, что на самом деле ему в два раза больше. В октябре 1979 года был сыгран первый спектакль.

На семидесятые годы пришлось торжество авторитарного режиссерского театра, который я терпеть не могу. Вот я и решил, не трата времени на полемику, вырастить молодых артистов, которые покажут моим оппонентам, где раки зимуют. Время было потрачено не зря: в сборной команде лучших российских актеров молодого и среднего возраста много моих воспитанников.

— Два года назад, когда малыши и Марина еще были в роддоме, у вас были вполне определенные жизненные планы. Скоро мне исполнится шестьдесят, говорили вы, я оформлю пенсию, передам театр молодым, Володке Машкову и Сашке Марину, и буду научать их, как делать дело...

— Есть несколько причин, заставляющих меня тянуть эту лямку. Первая — и главная — заключается в том, что молодые еще не научились заботиться о других так же хорошо, как они заботятся о себе.

— Некоторое время назад я брал интервью у Машкова и вслух порадовался тому, какие у него идиллические отношения с учителем. Володины ноздри раздулись, на скулах заходили желваки: «Ко мне он всегда был жесток, он не любил меня за мою наглость и даже выгнать хотел со своего курса...»

— Между нами все нормально. Я думаю, Володя и желваками-то играл потому, что это ему шло. Мне дороги все — в том числе и не слишком верные — мои ученики. Даже с теми, кто не отдает взятые в долг деньги, я сохраняю хорошие отношения.

Я не могу обижаться на них так же, как не мог держать сердца на моего сына Антона, который тоже многое делал не так. Порой он делал мне больно, но от этого не переставал быть моей любовью, моей плотью и кровью.

А пенсию я оформил, получаю триста сорок одну тысячу и аккуратно складываю эти деньги вместе. Когда скопится приличная сумма, потрачу ее на что-нибудь доброе.

— Не так давно вы говорили, что помирались с Антоном, что у вас был замечательный мужской разговор...

— Да, ныне между нами отношения самые нежные. Он очень трогательно и забавно относится к малышу, всегда о нем расспрашивает... Меня это очень радует — ведь мне же не на кого больше оставить Павла. Марину я сейчас не имею в виду — рядом с ребенком должен быть мужчина. А Антон его старший брат — в минуту жизни трудную он поможет и защитит.

— Для того чтобы выпустить малыша в мир, вам надо было обладать большой смелостью.

— Я часто задумываюсь над тем, как долго еще я смогу видеть его и Антона, сколько мне отпущено. Я делаю что могу: излишеств я не любил никогда, здоровьем Господь меня пока балует... Талейран говорил: почаще предавайтесь меланхолии, она примиряет нас с мыслью о смерти.

— В советскую пору постановки за рубежом приносили вам отличные деньги. Уже тогда вы были богатым человеком — разорила ли вас перестройка?

— Я бы взглянул на это дело по-другому: перестройка изменила всю мою схему зарабатывания на жизнь.

Раньше у меня было лучше со свободным временем: я мог все бросить, поехать в Канаду учить молодых актеров и вернуться в Москву с полным бумажником. А сегодня приходится заниматься отоплением, студенческими обедами, гастролями «Табакерки»... У меня больше нет возможности ездить по заграницам.

До перестройки я действительно зарабатывал больше. Зато сейчас размеры гонораров, которые мне платят там и здесь, разнятся не так сильно. Они, конечно, все еще выглядят по-другому... Но уже не на два порядка. Так что на жизнь тех денег, что я зарабатываю, мне хватает, необходимости форсировать этот увлекательный процесс у меня нет. Дело, видите ли, еще и в том, что мне шестьдесят третий год — «туда» с собой не возьмешь ничего... А на жизнь хватает.

— У многих ваших ровесников и коллег есть ощущение, что раньше они жили достойней. Сейчас они либо не у дел, либо прилагают униженно большое количество усилий для того, чтобы удержаться на поверхности...

— Все эти десять лет многие плывут по течению — отсюда и их растерянность. Моя адаптированность к «капитализму с нечеловеческим лицом» изначально была большей — зарабатывать деньги в Европе я начал с 1974 года.

— Что ж, вы один из наших европейцев. Вы умеете держать спину, работать, в вас есть абсолютно не свойственная русскому человеку четкость...

— Все дело в том, что во мне четыре крови. Я русский, мордвин, украинец и поляк. Довольно взрывчатая смесь.

— Сочетание действительно страшное — в результате появился русский Штольц, да еще и с обезоруживающей окружающих внешностью Обломова.

— Это и позволяет мне не только самому оставаться на плаву, но и поддерживать театр на улице Чаплыгина, Школу-студию МХАТ. Театральные педагоги из-под этой крыши не бегут.

— Было ли в вашей жизни то, чего вам не удалось добиться?

— Я хотел привести в театр «Современник» новое поколение актеров, хотел повторить то чудо обновления, которое произошло в двадцатые годы с Художественным театром. Но значительной части бывших коллег по «Современнику» это не было нужно — и моя затея не удалась...

— Значит, собственная биография вызывает у вас ощущение абсолютного умиротворения и радости?

— Ощущение абсолютного умиротворения и радости бывает только у дураков. Нормальный человек не может сколько-нибудь долго повторять: «Я счастлив». Счастье — секундное состояние души, если оно исчисляется минутами, то это уже чудо... Но ни от чего, сделанного мною, я не откажусь. Я и молодость не хотел бы вернуть, фаустовских комплексов у меня нет. Что-то исправить... Да, это пожалуй. Русский мужик всегда был задним умом крепок.

— Больших режиссерских амбиций у вас никогда не было? Я знаю, как это сосет актеров...

— Никогда. Для этого я слишком успешен в своей профессии. В основе того чувства, о котором вы говорите, всегда лежат какие-то комплексы.

— Что бы вам еще хотелось получить от судьбы?

— Небольшой (но и не маленький), мест этак на 450–470... Я мечтаю о таком пространстве, которое будет покрывать живая биоэнергетика сцены. Из этого вы легко можете сделать правильный вывод — я бы хотел еще поработать. Хотя на днях я говорил с Володиной Машковой и вновь повторил, что знаю, кому оставить «Табакерку» — ему, Саше Марину...

— Я не вижу в молодых желаниях заниматься кем-то, кроме самих себя. Мы индивидуалисты: для того чтобы выстроить свою судьбу, люди моего поколения затратят бездну сил, но никакого удовольствия от жизни с другими мы не испытываем...

— Я думаю, что это возрастное. Талант, конечно, вещь самодостаточная, но у него есть и нравственная сторона. Если Бог его тебе дал, то ты уже многое должен людям — это сегодняшняя молодежь понимает не всегда. Но я надеюсь, что это придет. Так проще жить: чем больше ты отдаешь, тем больше дают тебе. Люди помнят добро, сторицей воздают за хорошее отношение, за память. Это мне еще бабушка в детстве говорила: «Леленька, а ты скажи «спасибо». Тебе потом жить легче будет».

— Она и не представляла, как творчески вы примените ее совет.

— Так ведь совет и правда был хорош! Я помню добро, которое сделала для меня и театра «Современник» Екатерина Алексеевна Фурцева, помню добро, которое сделали мне и театру Николай Гончар, Игорь Бугаев, Борис Пастухов, бывший секретарь ЦК ВЛКСМ и нынешний замминистра иностранных дел... И я всегда говорил «спасибо».

Когда мы открывали театр на Чаплыгина, в нашем подвале проходила труба высокого давления с горячей водой. Убрать ее было технически невозможно. А я был знаком с Борисом Николаевичем Ельциным, первым секретарем московского горкома: как-то он просил меня заходить — вот я и зашел. Мы проговорили часа три — в том числе и о трубе, — мило распрощались... А к концу недели ее вытащили из подвала и обвели вокруг дома. Вскоре Ельцина с горкома сняли, и я опубликовал в одном из журналов следующий пассаж: «В рамках своего организационного поражения Борис Николаевич одержал высокую нравственную победу». (Когда я увидел это в гранках, у меня волосы встали дыбом — на дворе-то еще стоял полнокровный социализм!) Но материал, как ни странно, вышел, я прочел его Борису Николаевичу по телефону и еще раз сказал ему «спасибо».

Бабушка, правда, советовала мне и другое: «Леленька, когда куда-нибудьходишь, сразу говори: «Здравствуйте, я Олег Табаков». Но этот этап, слава Богу, уже позади — меня все знают и так и, как правило, радуются, когда в кабинет входит человек с известным и симпатичным лицом. Я ведь по своему амплуа клоун...

Это шутка. А теперь я хочу поглубже вдохнуть и сказать о серьезном.

Я очень люблю нашу бедную землю! Жизнь дважды предлагала мне сделать выбор: в 1967 году я мог начать кинокарьеру европейского масштаба; много позже одна милая женщина предлагала мне открыть школу-студию в США. Бабушка оставила ей несколько миллионов долларов, и она хотела разделить их пополам: половину оставить себе, половину отдать на студию... У нас роман был. Но в 1967 году у «Современника» закрыли спектакль «Большевики», и я остался в Москве — бороться. Да и с Америкой я как-то не надумал. Так что ваш покорный слуга и собеседник все-таки не Штольц.

Я — Олег Табаков из Саратова, безнадежно испорченный русский.

Алексей ФИЛИППОВ,
«Известия».